

СТРАТЕГИИ СОЮЗНИЧЕСТВА КОНТИНЕНТАЛЬНЫХ И МОРСКИХ ДЕРЖАВ

ИГОРЬ ИСТОМИН
НИКОЛАЙ СИЛАЕВ
АНДРЕЙ СУШЕНЦОВ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье предпринимается попытка определить особенности политики выстраивания альянсов континентальных и морских держав, обусловленные особенностями их географического положения. В первую очередь, рассматриваются имеющиеся в научной литературе подходы к объяснению влияния пространственных характеристик крупных государств на участие в союзах. Далее, предлагается оригинальная теоретическая концепция разграничения типов мотивации континентальных и морских держав и, соответственно, их логики выбора союзников. Представление концепции сопровождается историческими примерами из практики международной системы с XVI столетия по начало XXI века, обосновывающими корректность её дедуктивных построений. В завершение разработанная исследовательская рамка применяется к анализу опыта выстраивания Россией сети её международных обязательств. Он показывает, что континентальное положение выступает значимым, хотя и не единственным параметром, объясняющим логику российской стратегии и политику её союзов. Географическое положение морских держав зачастую побуждает их к различным формам международной изоляции. Вместе с тем по мере повышения зависимости от зарубежных рынков сбыта, источников капитала и ресурсов, а также возрастания рисков аккумуляции значительных ресурсов их потенциальными противниками морские державы начинают прибегать к международным союзам как инструментам проецирования силы в удалённые регионы. Со своей стороны, континентальные державы предпочитают альянсы со своими непосредственными соседями в качестве средства сокращения количества обороноуязвимых направлений и создания стратегических буферов. Для них попытки выстраивания отношений с удалёнными партнёрами связаны со значительными рисками, так как они, как правило, не обладают достаточными компетенциями в сфере контроля над морскими коммуникациями. Вместе с тем создание военно-политических коалиций сухопутных стран с удалёнными морскими против доминантных морских держав бывает стратегически целесообразно, когда позволяет перенести центр противостояния дальше от границ континентальной державы. Проведённый анализ подтверждает, что Россия в своих подходах к развитию альянсов действует как классическая континентальная держава.

Ключевые слова:

военные союзы; континентальные державы; морские державы; общие пространства; проецирование силы; обороноопасные направления; внешняя политика России.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-78-20170).

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2018

Дата принятия к публикации: 20.12.2018

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: iaistomin@gmail.com

В 2010-х годах роль военно-политического инструментария в обеспечении национальных интересов Российской Федерации возросла, что нашло отражение в большем внимании к нему в Концепции внешней политики страны, принятой в 2016 году¹, по сравнению с предыдущими редакциями этого документа. Наблюдаемая тенденция выступает отражением как увеличения конкурентности отношений ведущих мировых держав, так и готовности российского руководства расширять географию регионов, в которых защита национальных интересов происходит путём усиления военного присутствия. Отмеченный процесс затронул не только государства в поясе российских границ, но и те, которые имплицитно относили к сфере ответственности СССР в годы «холодной войны».

Развитие наблюдаемых трендов ставит перед Москвой ряд вопросов, связанных с распределением внимания между ближайшим пограничьем и более удалёнными пространственными комплексами, в том числе с точки зрения выбора партнёров в сфере военно-политического сотрудничества. В более широком смысле они связаны с осмыслением роли пространственных факторов в выработке внешней политики страны. В этой связи в настоящей статье предпринимается попытка определить особенности политики в сфере выстраивания альянсов континентальных и морских держав, обусловленные особенностями их географического положения.

С учётом того, что анализ пространственного положения государств связан с учётом множества характеристик, предлагаемое в статье выделение двух больших категорий связано с выявлением специфики «идеальных типов» в веберовском понимании. В этом смысле континентальный статус державы не означает отсутствия выхода к морю или военно-морских сил. Равно и отнесение к группе морских держав не исчерпывает набор соображений,

которыми определяется внешняя политика государства. Вместе с тем выделение этих типов и определение случаев, тяготеющих к одному из них, может быть полезно для выявления логики, лежащей в основе политических стратегий, и в том числе пояснения критериев поиска союзников.

В первую очередь, рассматриваются имеющиеся в научной литературе подходы к объяснению влияния пространственных характеристик на участие в союзах крупных государств. Далее, предлагается оригинальная теоретическая концепция разграничения структурных стимулов континентальных и морских держав и, соответственно, их логики в выборе союзников. Концепция иллюстрируется историческими примерами из практики международной системы с XVI столетия по начало XXI века, обосновывающими корректность её дедуктивных построений. В завершение разработана исследовательская рамка, прикладываемая к анализу опыта выстраивания Россией сети её международных обязательств. Он показывает, что континентальное положение выступает значимым, хотя и не единственным параметром, объясняющим логику российской стратегии и политику её союзов.

1

Обращение к особенностям географического положения при объяснении внешней политики государства нередко вызывает ассоциации в духе натуралистских построений представителей географического детерминизма начала XX столетия. Риски скатывания к положениям классической («вульгарной») геополитики особенно велики при рассмотрении специфики поведения континентальных и морских держав, так как риторика противопоставления «суши и моря» выступает фирменным знаком её теоретических схем [Маккиндер 1995; Макиндер 2007; Мэхэн 2002; Mackinder 1996].

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

Именно такие упрощённые конструкции оказали глубокое влияние на отечественных публицистов 1990-х – 2000-х годов, составивших ядро так называемого неоевразийства. При этом в их сочинениях географическим характеристикам приписываются едва ли не метафизические черты, наделяющие отношения континентальных и морских держав эсхатологическим значением борьбы добра и зла.

Авторы подобных произведений широко пользуются языком «ядер», «осей», «треугольников», а составляющиеся из них макроконцепции оказываются предельно эластичными, но в то же время крайне расплывчатыми, чтобы конкретно объяснять разнообразные формы и случаи международного взаимодействия. Более того, противостояние «суши и моря» возводится в статус основного и неизменного закона, описывающего весь ход мировой политической истории от Афин и Спарты до СССР и США [Дугин 2000].

Предложенные неоевразийцами и другими отечественными представителями наивного геополитического теоретизирования объяснения оказались достаточно яркими и убедительными, чтобы привлечь широкий круг сторонников. При этом, как и другие псевдонаучные конструкции, они остаются принципиально нефальсифицируемыми – любые изменения международной среды могут быть интерпретированы их приверженцами как подтверждение собственной правоты [Поппер 2010].

В западном исследовательском сообществе построения традиционной геополитики были в основном отвергнуты, в том числе из-за ассоциации ряда её немецких представителей с нацистской Германией². Последняя активно прибегала к логике

географического детерминизма, оперируя в том числе категорией «жизненного пространства»³. Попытки дистанцирования от практик гитлеровского режима привели западных исследователей к противоположной крайности по сравнению с традиционной геополитикой – почти полному исключению особенностей географического положения из их объяснений⁴.

Между тем геополитические построения оставались в обороте американских политиков и стратегов и в послевоенное время, особенно в первые годы «холодной войны», когда американская стратегия сдерживания СССР опиралась на идеи Маккиндера и Спайкмена [Herple 1986: 24], а в широкий интеллектуальный оборот понятие геополитики вернул Генри Киссинджер, использовавший его для описания и объяснения глобального баланса сил и обозначения постоянных, не зависящих от ценностной полемики национальных интересов [Herple 1986: 25]. Конструктивистский поворот в общественных науках, однако, подверг геополитику новым испытаниям. Критическая геополитика, оформившаяся в 1990-х годах как направление на стыке политической географии и международных отношений, поставила под сомнение одну из основ геополитики «классической», а именно её претензию на выявление и описание неизменных, укоренённых в физической географии факторов мировой политики. В политическом плане эта критика была реакцией на то, что с прекращением глобального биполярного противостояния оказалась разрушенной также и прежняя, более или менее стройная иерархия международных проблем и субъектов, позволявшая говорить о «постоянных» интересах, разладах и союзах. С окончанием

² Подобный подход нередко выступал следствием личного опыта представителей американского академического сообщества в послевоенный период – значительную его часть составляли выходцы из Европы, которые бежали от ужасов нацизма и Второй мировой войны. Пример тому даёт биография основателя реализма Ганса Моргентау [Morgenthau 1978].

³ Основы этой концепции, в свою очередь, связываются с трудами такого представителя традиционной геополитики, как Карл Хаусхофер [Хаусхофер 2001]. О его связях и разрыве с нацистским режимом см.: [Васильченко 2013].

⁴ В этом смысле показателен структурный реализм К. Уолтца, который полностью исключал вопросы пространственного взаиморасположения стран из сферы своего анализа [Waltz 1979].

глобального противостояния лишился своих оснований «большой нарратив» мировой политики. В теоретическом плане критика основывалась на понимании представлений о пространстве (как массовых, так и продуцируемых политическими элитами) как чём-то подвижном, изменчивом и конструируемом. «Вместо того, чтобы воспринимать геополитику как нейтральную и объективную практику описания глобального пространства – обычная для “холодной войны” трактовка понятия – мы исходим из предпосылки, что геополитика сама по себе является формой географии и политики, обладающей контекстуальностью и включённой в постоянное социальное воспроизводство власти и политической экономики», – писали лидеры направления Джерард О’Тоал и Саймон Дэлби во вступительной к статье к программному сборнику «Переосмысливая геополитику» [O Tuathail, Dalby 1998: 2].

Исследования в направлении критической геополитики релятивизировали роль пространства в международных отношениях, поместив геополитические построения в современный им социальный и политический контекст и сделав акцент на их конструируемости. Они ввели в политическую науку проблему массовых географических представлений как предмета манипулирования со стороны элит и, в свою очередь, элемента внешнеполитических решений. В то же время эвристичность конструктивистской логики, внесённой в политическую географию, обернулась тем, что в критической геополитике сравнительно слабым оказалось содержание, связанное с самим корнем «гео». Как пишет один из отечественных авторов: «Принципиальное замечание в адрес критической геополитики первых полутора десятилетий её существования касается, как ни стран-

но, её недостаточной “географичности”» [Колосов 2011: 42]. Анализ дискурсов и ментальной географии стал заслонять материальность географии физической.

Это было одной из причин того, что параллельно с развитием критической геополитики среди исследователей наблюдается рост интереса к географическим параметрам международного взаимодействия. Частью этой тенденции стало возрождение интереса к проблеме различий между континентальными и морскими державами. Вместе с тем современные подходы к использованию пространственных категорий в анализе отличаются от традиционной геополитики в двух отношениях⁵.

Во-первых, географическое положение рассматривается не как центральная характеристика государства (метафора «географии как судьбы»), а лишь как одна из переменных, причём не всегда самая значимая. Кроме неё, в анализ могут включаться такие параметры, как соотношение материальных потенциалов, особенности политических режимов, уровень хозяйственной взаимосвязанности. В частности, в работе, суммирующей теоретические основы неоклассического реалистского подхода к международным отношениям, Норрин Рипсман, Джеффри Талиаферро и Стивен Лобелл называют географическое положение среди структурных модификаторов⁶, представляющих собой важный элемент международной среды [Ripsman, Taliaferro, Lobell 2016: 40–42]. Одновременно за рамками рассмотрения остаётся присущее традиционной геополитике отождествление пространственных характеристик с культурными чертами страны.

Во-вторых, при обращении к терминологии континентальных и морских держав акцент делается не на их противопоставлении друг другу в качестве неизбежных по-

⁵ Необходимо отметить, что и в России интерес к политико-географическим аспектам международных отношений не исчерпывается публицистическими текстами. В этой связи уместно упомянуть работы М.В. Ильина, Э.А. Позднякова, В.Л. Цымбурского [Цымбурский 1993; Ильин 1995; Поздняков 1995; Цымбурский 2016].

⁶ Термин Глена Снайдера, обозначающий условия международной среды, схожим образом действующие на все единицы международной системы, эффект которых различается в зависимости от характеристик самих единиц [Ripsman, Taliaferro, Lobell 2016: 40].

литических антагонистов, а на сравнении возможностей и ограничений, с которыми они сталкиваются исходя из их пространственного статуса. Таким образом, собственно вопросы взаимоотношений между двумя типами держав остаются за рамками теоретического осмысления.

Значимый вклад в осмысление влияния территориального расположения на политику государств внёс американский исследователь Уильям Томпсон. В своих работах (в том числе написанных в соавторстве с другими исследователями) он указывает на то, что крупные морские державы, в отличие от континентальных аналогов, сталкиваются с меньшим противодействием со стороны других игроков, что создаёт для них большие возможности для установления гегемонии, в том числе в глобальном масштабе.

Подобный результат объясняется несколькими причинами. *Во-первых*, другие игроки воспринимают угрозы, исходящие от морской державы, как сравнительно менее опасные. Победа на море не будет окончательной без победы на суше. *Во-вторых*, они рассчитывают на экономические преимущества от связей с ней и от глобального порядка, который она создаёт. *В-третьих*, меньше государств по своему потенциалу способны соперничать с морской державой, чем с сухопутными.

Таким образом, у других государств присутствуют стимулы вступать в союз с лидирующей морской державой, потому что она поддерживает порядок мировой торговли, из которого они извлекают преимущества, и потому что союз с ней балансирует угрозу со стороны других сухопутных конкурентов. Сухопутным великим державам труднее находить сильных союзников, так как мощь и географическая близость их армий порождает больше врагов, чем друзей [Levy, Thompson 2010].

Упомянув исследование Леви и Томпсона в связи с проблемой различий континентальных и морских держав, необходимо сделать оговорку. В их работе данное различие обсуждается в связи с проблемой гегемонии в международной системе. Их главная мысль состоит в том, что морская гегемония по своей природе более устойчива, чем сухопутная. Маркером гегемонии признаётся такая ситуация, когда ведущая держава обладает 40–50% мировой военно-морской мощи [Levy, Thompson 2010: 28]. Сопоставляя данные о соотношении военно-морских и сухопутных военных потенциалов с конца XV по конец XX века с данными о формальных военных союзах, существовавших в этот период, Леви и Томпсон подтверждают свою гипотезу, согласно которой морская гегемония с меньшей вероятностью сталкивается с балансирующим поведением со стороны других великих держав⁷. В этой связи их выводы относятся не просто к странам, обладающим выгодным географическим положением в плане доступа к открытому морю, но к таким по определению немногочисленным участникам международной системы, которые способны создать сильный океанский военно-морской флот. Функцией здесь предстаёт не географическое положение само по себе, но географическое положение в сочетании с мощью.

При всей научной фундированности и внутренней цельности концепции У. Томпсона и его коллег, акцент на преимуществах морских держав в их теоретических построениях порождает подозрения во влиянии на её формулирование политических предубеждений. Она выступает не только полезным инструментом осмысления закономерностей международной среды, но и обоснованием устойчивости, логичности и даже справедливости американского преобладания в современной ми-

⁷ Дэвид Благден, критикуя статью Леви и Томпсона, отмечает, что они, исследуя поведение великих держав по отношению к морской державе-гегемону, обращаются лишь к анализу внешнего балансирования (через создание военных союзов), не уделяя внимания балансированию внутреннему (через наращивание военной мощи). По его мнению, проверка их гипотезы о природе морской гегемонии требует принять во внимание всю совокупность балансирующих действий, как внешних, так и внутренних [Blagden 2011: 193].

ровой системе. Более оправданным было бы выявление не только преимуществ, но и недостатков морского расположения субъектов для их внешней политики.

Центральным компонентом представленной концепции выступает её акцент на осмыслении влияния морского или континентального положения государства на перспективы его вступления в военно-политические союзы с целью либо извлечь выгоду из союзнических отношений с державой-гегемоном, либо балансировать влияние державы-гегемона. Это делает понятие и проблему союзов одной из центральных для работы Леви и Томпсона.

Проблема природы союзов, факторов и закономерностей их возникновения, поведения государств в союзах — это давняя тема науки о международных отношениях, причём её изучение получило особое развитие в течение последних десятилетий [Истомин 2017]. Для целей нашей статьи нужно отметить две особенности изучения союзов.

Во-первых, не существует общепринятого определения союза. Множественность определений также отражает многообразие самих форм союзнических отношений. Известная база данных «Обязательства и условия союзных договоров» (Alliance Treaty Obligations and Provisions, АТОР) различает союзы оборонительные, наступательные, пакты о ненападении и нейтралитете, позволяя также выделять различные типы обязательств, которые могут быть включены в один договор. Кроме того, она различает союзы по заложенным в них условиям выполнения военных обязательств [Leeds, Ritter, Mitchell, Long 2002: 240–242]. При этом АТОР опирается на анализ текстов договоров и тем самым исключает из рассмотрения неформальные договорённости между государствами о сотрудничестве в области безопасности. В теоретическом плане её создатели исходят из подхода

Глена Снайдера, который различает юридически оформленные союзы (alliances) и де-факто коалиции (alignments) [Snyder 1997: 6]. Они следуют традиции, которая определяет союзы как «письменные соглашения, подписанные официальными представителями по меньшей мере двух независимых государств, которые включают в себя обещание помочь партнёру в случае военного конфликта, остаться нейтральным в случае конфликта, воздерживаться от военного конфликта с ним или консультироваться и (или) сотрудничать с партнёром в случае международного кризиса, создающего потенциал для военного конфликта» [Leeds, Ritter, Mitchell, Long 2002: 238].

Во-вторых, различие в концептуализации союзов возникает не только из онтологических дискуссий об их природе, но и из разницы в исследовательских задачах, которые ставят перед собой отдельные авторы. Очевидно противоречие между приведённым выше определением, лежащим в основе АТОР, и дефиницией Стивена Уолта: «Союз — это формальные или неформальные отношения сотрудничества в области безопасности между двумя или более суверенными государствами» [Walt 1990: 1]. Это противоречие объясняется различиями исследовательских задач. В то время как проект АТОР ориентируется на изучение союзов как института, закономерностей их функционирования в этом качестве, поведения государств в союзах, в центре внимания Уолта находится вопрос о том, почему государства вообще вступают в сотрудничество с другими государствами по поводу безопасности. Эта исследовательская задача диктует и более широкий взгляд на явление союза⁸.

Леви и Томпсон опираются на подход Ст. Уолта, поскольку для них меньшее значение имеет природа военно-политических связей и их функционирование, а большее — те структурные стимулы, которые

⁸ Исторический материал, к которому обращался Уолт, также подразумевал широкий подход к определению союза. Международные отношения на Ближнем Востоке в 1940–1970-х годах давали множество примеров нестабильных и неформальных альянсов, но почти не создавали почвы для изучения союза как института.

побуждают государства к союзничеству в международной системе, где имеется континентальная или морская держава-гегемон. В этом аспекте для них важны положения теории баланса угроз, сформулированной Ст. Уолтом и тесно связанной с его теорией союзов.

Суть теории баланса угроз заключается в попытке дополнить и отчасти пересмотреть доминировавшее в рамках неореализма объяснение логики балансирования государств с использованием ряда параметров, не связанных непосредственно с распределением материальных возможностей между ними. Предложенный Кеннетом Уолтцем традиционный подход к этому вопросу исходит из того, что структурные условия побуждают субъектов вступать в коалиции для предотвращения установления гегемонии самого сильного участника в системе. В этой связи при определении объекта, против которого они балансируют, государства должны обращать внимание только на агрегированный материальный потенциал [Waltz 1979].

Ст. Уолт соглашается со своим предшественником в том, что общее соотношение потенциалов учитывается в поведении субъектов на международной арене. В то же время он отмечает, что характер угроз, исходящих от контрагентов, определяется игроком не только на основе этого одного параметра, но с учётом ещё, как минимум, трёх переменных. К ним он относит наличие наступательного потенциала, демонстрацию агрессивных намерений и географическое взаиморасположение [Waltz 1990: 23].

Последний элемент представляет наибольший интерес, так как является наиболее разработанным и верифицируемым в модели Ст. Уолта⁹. Теория баланса угроз утверждает, что государства в наибольшей степени опасаются контрагентов, расположенных в их непосредственном окру-

жении. *Во-первых*, в отношениях именно с ними присутствует наивысший риск появления территориальных претензий. *Во-вторых*, по мере увеличения расстояния между границами государств множатся и трудности в проецировании силы. Таким образом, у удалённых друг от друга участников международной системы оказывается меньше как причин, так и возможностей для совершения агрессии. В этой связи они реже становятся первоисточником угроз и чаще могут рассматриваться в качестве предпочтительных вариантов для установления союзов.

Заключения Ст. Уолта относительно выгод географической удалённости для формирования альянсов сочетаются с тезисом другого американского исследователя, Дж. Миршаймера, об «останавливающей силе воды». Последняя определяется сложностью в преодолении океанических и морских пространств при проецировании военной силы крупными державами в отношении друг друга [Mearsheimer 2014: 114–128]. В случаях противоборства сопоставимых по своему вооружённому потенциалу противников форсирование даже узких проливов (таких, как Ла-Манш), а также крупных рек может представлять серьёзную трудность для наступающей стороны.

Теоретические положения, сформулированные Ст. Уолтом и Дж. Миршаймером, подкрепляют логику сторонников большей привлекательности альянсов с морскими державами для других государств в связи с их удалённым географическим положением. Вместе с тем реализация подобного преимущества связана с наличием существенного потенциала проецирования силы у самих морских держав, без которого они как союзники оказываются бесполезными.

Более того, существующие теоретические подходы не объясняют мотивацию этих держав к вступлению в коалиции.

⁹ Возможности корректной оценки двух других остаются гораздо более спекулятивными [Rosato 2015; Van Evera 1998]. В этой связи их включение в определение баланса угроз на практике связано с изучением специфики восприятия лиц, принимающих решения. Этот вопрос является предметом обширной специализированной литературы, но, очевидно, уходит от структурного анализа зависимости поведения государств от среды, находящегося в фокусе настоящей статьи.

Их удалённое положение не только может выступать залогом «неопасности» таких государств для партнёров, но и должно лишать их самих мотивации участвовать в союзах, исходя из логики теории баланса угроз. Вопрос о различиях в структурных стимулах, возникающих у континентальных и морских держав, выступает недостающим звеном современных подходов к их сопоставлению.

2

Морское и континентальное положение государств формирует принципиально различную среду осуществления их внешней политики. В этой связи имеет смысл по отдельности рассмотреть специфические последствия для их целеполагания и практик участия в союзах, порождаемые пространственной позицией. В отличие от ранее представленных работ в данном случае в фокусе анализа будут не причины, побуждающие другие государства к альянсам с континентальными или морскими державами, а структурные движущие силы, определяющие поведение их самих.

Под морскими державами в настоящей работе понимаются не просто государства, имеющие широкий выход к океаническим пространствам, а те, для которых это обстоятельство выступает значимым с точки зрения безопасности. Соответственно, субъекты этого типа, как правило, контролируют весь территориальный массив, на котором они расположены, или во всяком случае достаточную его часть для того, чтобы не испытывать страха наземного нападения со стороны соседей¹⁰.

В результате к числу морских держав, как правило, относятся островные государства, такие как Британия и Япония. Особенностью такого рода стран по сравнению

с континентальными державами нередко может выступать более компактная территория, ограниченная естественными географическими рамками¹¹. Вместе с тем современные Соединённые Штаты также могут рассматриваться в качестве морского государства в той степени, в какой исключена угроза безопасности территории США со стороны Канады и Мексики. Важно отметить, что становление Соединённых Штатов как морской державы стало возможно только по мере завершения континентальной экспансии и освоения западного фронта, то есть в последние десятилетия XIX века¹².

Исходя из самого определения морские державы также характеризуются географической удалённостью от других центров накопления военной мощи, производства и торговой активности. Подобное положение может нести существенные выгоды, формируя естественные буферы в виде крупных водных пространств, отделяющих государства от источников возможных угроз для них. Его следствием выступает склонность морских держав к самоизоляции, воплощающейся в фокусировании на внутренних процессах и сознательной минимизации вовлечённости во внешние дела. Одним из компонентов такой политики становится отказ от участия в формальных и неформальных союзах и коалициях.

Наиболее явственным и радикальным примером подобной самоизоляции выступает пример Японии на протяжении XVII–XIX веков (получившая название Сакоку), когда страна закрыла свои порты для иностранцев и фактически прекратила отношения с внешним миром [Voss 1945]. Показательно, что ещё ранее, до появления в Восточной Азии европейцев, эта страна

¹⁰ Используемое в настоящей работе понимание морской силы несколько отличается от того, которое зачастую присутствует в литературе. См.: [Modelski, Thompson 1988: 4–13].

¹¹ В духе критической геополитики можно заметить, что «естественные» географические рамки и в британском, и в японском случае не были даны «от природы», а достигнуты соответствующими государствами в ходе длительной территориальной экспансии, в том числе вооружённой.

¹² Бюро переписи США официально заявило об исчезновении фронта в 1890 году, но фактически сопротивление экспансии Соединённых Штатов на Запад было преодолено ещё в предшествующие десятилетия. Об истории фронта см.: [Turner 2010].

была крайне слабо интегрирована в региональный порядок, сформировавшийся вокруг Китая и построенный на системе даннических отношений. В силу островного положения Япония могла не участвовать в нём, но и не бросала ему вызов. За весь период до конца XIX века имела место только одна попытка японской экспансии (в XVI столетии в Корею) и лишь два случая внешнего вторжения на её территорию (со стороны монгольских правителей Китая в XIII веке).

Несмотря на то что отнесение Соединённых Штатов к числу морских держав связано с рядом серьёзных допущений (на протяжении всего XIX века они переживали период масштабной континентальной экспансии), в отношении классической европейской системы международных отношений они представляли именно в таком качестве¹³. В этой связи показательным посланием первого президента Соединённых Штатов Дж. Вашингтона, в котором он предупреждал своих сограждан «избегать постоянных альянсов», одобряя «временные альянсы только в случае чрезвычайных угроз». Более того, он прямо указывал на то, что реализации такой политики способствует удалённое положение США от перипетий борьбы между европейскими державами¹⁴.

Последующие действия Соединённых Штатов на международной арене вплоть до середины XX в. в полной мере следовали заявленной Вашингтоном логике. На протяжении первых ста лет существования они ограничивали сферу своей деятельности преимущественно Западным полушарием. Даже после вступления в Первую мировую войну и её победоносного завершения они отказались от принятия на себя постоянных международных обязательств в рамках Лиги Наций.

Наконец, Британия даёт ещё один пример преимущественно морской державы — после утраты обширных континентальных

французских владений в Средние века и присоединения Уэльса и Шотландии. Отражением географического положения страны стала политика «блестящей изоляции», которую она осуществляла на протяжении XIX века [Сенокосов 2014]. Эта стратегия подразумевала большую вовлечённость в европейские дела, чем в случае Соединённых Штатов, но также строилась на отказе от участия в постоянных союзах.

Приведённые примеры подтверждают позитивные следствия морского положения, акцентируемые западными авторами. Вместе с тем оно имеет и серьёзные недостатки. Та же географическая дистанцированность, которая осложняет зарубежное вторжение на их территорию, требует от них огромных усилий для проецирования силы за пределы непосредственного окружения. Их участие в международной политике опосредовано их морской мощью, призванной преодолеть «останавливающую силу воды» для осуществления любых наступательных действий. Их связи с внешним миром могут быть заблокированы в том случае, если они не обладают достаточным могуществом для защиты собственных портов и морских коммуникаций. Уместно вспомнить, что именно так корабли коммодора Перри принудительно завершили трёхсотлетнюю эпоху самоизоляции Японии.

Океанский военно-морской флот, способный действовать на значительном удалении от национальной территории, требует экстраординарных экономических ресурсов для постройки и поддержания. По этой причине большинство стран, обладающих удобным выходом к морю, не являются вместе с тем державами, способными оказывать существенное влияние на международную политику. «Входной билет» в клуб великих держав при прочих равных для морских стран значительно выше, чем для континентальных.

¹³ О сочетании изоляционизма и экспансионизма в американской политике см.: [Мэхэн 2002].

¹⁴ *Washington G.* Washington's Farewell Address 1796. URL: http://avalon.law.yale.edu/18th_century/washing.asp

Таким образом, целью морских держав становится преодоление собственной удалённости, а в дальнейшем – установление контроля не только над непосредственным окружением, но и над международными линиями коммуникации, связывающими его с остальным миром, а также обеспечение присутствия в тех регионах, где она видит потенциальную угрозу. Альянсы с удалёнными государствами выступают важнейшим инструментом при реализации такой политики. Они становятся мультипликаторами проецирования силы державы на значительные расстояния. Не обладая союзниками на континенте¹⁵, постоянными или ситуативными, морская держава не может эффективно проецировать силу за пределы национальной территории, то есть в конечном счете оказывать значительное влияние на международные дела.

Зарубежные партнёры в этом случае выполняют две основные функции. *Во-первых*, они становятся опорными пунктами присутствия морской державы в значимых регионах: выступая агентами её влияния в региональных институтах; предоставляя свою территорию для развёртывания вооружённых сил; обеспечивая необходимую экспертизу относительно социально-культурных и политических особенностей местной среды.

Во-вторых, они предлагают инфраструктуру для укрепления контроля над морскими пространствами, так как даже сегодня современные военно-морские силы нуждаются в обширной и широко распределённой береговой инфраструктуре для обеспечения своих операций [Posen 2003]. В данном случае речь идёт о достижении синергии от выделяемых реализмом двух форм балансирования: «внешнего» – связанного с участием в альянсах и «внутреннего» – определяемого через мобилизацию национального богатства на нужды внешней и

оборонной политики [Waltz 1979]. Эффективное проецирование силы на расстоянии требует сочетания определённого типа союзников (обладающих удобной береговой линией и портовой инфраструктурой) и соответствующего типа военных возможностей (наличия океанического флота и дальней авиации).

Возвращаясь к ранее рассмотренным примерам: Британия, не вступая в формальные альянсы, активно участвовала в коалиционной политике в Европе в XVII–XIX веках. Показательна её роль в организации антифранцузских коалиций в период революционных и Наполеоновских войн. Эта политика определялась стремлением не дать Парижу установить контроль над ресурсами всего региона. Булонский лагерь и Континентальная система Наполеона выступали практическими воплощениями угроз, которых опасался Лондон [Kennedy 2010: 119–139].

Британия, став «владычицей морей», создала крупнейшую в мире колониальную империю. Наличие колоний, между прочим, позволяло ей не заботиться о поиске союзников за пределами Европы – подчинённые территории исполняли ту роль мультипликаторов проецирования силы, которая была описана выше. Вместе с тем зависимость от этих владений делала Лондон особенно чувствительным к угрозам доминированию её флота, что проявилось в болезненной реакции на германские попытки создания сопоставимых морских сил в начале XX века [Kennedy 2017: 203–237].

Аналогичным образом с самых первых этапов «холодной войны» стратегия США формулировалась исходя из логики преодоления вызовов, связанных с географической удалённостью. Американские стратеги указывали на наличие пяти основных центров военной и экономической мощи в

¹⁵ Подчеркнём, что речь идёт именно о союзниках, а не о простой ресурсной базе. Стратегия Японии, которая с конца XIX в. и до конца Второй мировой войны стремилась преодолеть ресурсные ограничения национальной территории за счёт колониальной эксплуатации обширных континентальных пространств в Восточной Азии, потерпела крах, и страна проиграла военно-экономическое соревнование с Соединёнными Штатами. Причём обвал японской гегемонии в регионе, основанной на инструментах грубого принуждения, был стремительным и необратимым.

мире (Великобритания, Германия, СССР, США и Япония) [Gaddis 2005]. С учётом того, что Соединённые Штаты выступали одним из этих центров, а им противостоял другой (Советский Союз), задача Вашингтона состояла в установлении контроля над оставшимися тремя.

Исходя из этих приоритетов в начале 1950-х годов была выработана стратегия американских союзов в Европе и Азии¹⁶. Последняя не только обеспечивала американское военное присутствие в непосредственной близости от советских границ, но и ставила потенциал Великобритании, Германии, Японии на службу стратегии мультипликации проецирования силы Соединённых Штатов [Сушенцов 2012]. Тем самым потенциальные конкуренты морской державы превращались в инструменты преодоления её уязвимого положения.

После завершения «холодной войны» США не пошли на деконструкцию сети альянсов, так как они продолжали содействовать сохранению американского контроля над общими пространствами и присутствия в ключевых регионах — Европе, Азии и на Ближнем и Среднем Востоке (если учитывать также неформальные объединения) [Сушенцов 2010]. Значимость этих союзов для подкрепления глобального доминирования Соединённых Штатов открыто признавалась в документах американского стратегического планирования¹⁷.

З

Географическое положение континентальных держав таит совершенно противоположные вызовы. Под такими державами понимаются государства, занимающие значительную часть континентального массива. В мире сохраняется только одна страна, которая занимает целый материк, — это Австралия. Вместе с тем она не относится к кругу крупных держав, континент, который она контролирует, отличается наименьшей территорией среди всех континентов, а экологические и ресурсные его условия ограничивают потенциал демографического и экономического роста страны.

С учётом того, что крупнейший целостный территориальный массив в мире составляет Евразия, на протяжении истории именно она выступала местом локализации континентальных держав. Среди последних неоднократно появлялись претенденты на господство над всем материком (или по крайней мере той части, которая составляла ойкумену), но эти попытки неизменно оказывались безуспешными [Kennedy 2010]. Примечательно, что географически широкого и наиболее продолжительного господства в Евразии достигла Римская империя, однако её ядром была не континентальный массив, а Средиземноморье (кстати, Леви и Томпсон называют Римскую империю одним из примеров устойчивой гегемонии [Levy, Thompson 2010: 15])¹⁸.

¹⁶ Basic National Security Policy. NSC 162/2. October 30, 1953. URL: <http://orchestratingpower.org/lib/National%20Strategies/National%20Security%20Strategies/NSS%20Official/NSS-1953,10,30-lke%20NSC-162-2.pdf>

¹⁷ *Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense*. January 2012. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf

¹⁸ С контролем над Средиземноморьем связывают Римскую империю и отечественные исследователи Е. Сулима и М. Шепелев [Сулима, Шепелев 2018: 53]. В то же время её отнесение к морским державам привело бы к недооценке того факта, что основным инструментом установления доминирования выступала армия, тогда римский флот длительное время уступал возможностям конкурентов (в первую очередь Карфагену). Кроме того, падение Западной Римской империи (а впоследствии и Восточной) было вызвано в первую очередь сухопутным натиском, а не потерей контроля над заморскими провинциями. В этой связи её можно отнести к промежуточному типу, который может быть обозначен как амфибийные державы (в качестве примеров которого также могут выступать Франция в XVIII–XX веках, а также современный Китай). Принципиальная дилемма для такого рода государств обусловлена зависимостью их экономического богатства от морских коммуникаций при одновременном наличии непосредственных угроз территориальной безопасности со стороны близлежащих соседей. Ввиду ограничений размеров статьи авторы в настоящем исследовании концентрируются преимущественно на чистых типах, хотя проблематика амфибийных держав также заслуживает серьёзного рассмотрения.

Континентальные державы неизбежно сталкиваются с необходимостью взаимодействовать с соседними государствами, с которыми они делят сухопутную границу. Основные возможности и сложности для них состоят именно в выстраивании отношений с той частью континента, которую они не контролируют. Соседние государства могут выступать в качестве источников сырья, рынков сбыта или объектов для завоевания, способствуя приращению национального богатства и совокупного потенциала континентальной державы. В то же время и основные источники угроз безопасности находятся в непосредственной близости от континентальной державы. Её территория более доступна для потенциальных агрессоров, чем в случае морских держав. Ещё более усложняет её положение то, что она может подвергаться нападению со стороны нескольких противников по множеству направлений. Чем больше размеры континентальной державы, тем больше у неё непосредственных соседей для завоевания или иных способов извлечения ресурсов, но тем больше и направлений, с которых она может подвергаться угрозам. Кроме того, по мере увеличения территории возрастают проблемы обеспечения внутренней связанности и управляемости, особенно острые для государств доиндустриальной эпохи.

В результате основными задачами внешней политики континентальных держав, связанных с географическим положением, выступают ограничение числа обороноуязвимых направлений и проецирование силы за пределы непосредственного географического окружения. На это направлена логика выстраивания ими союзных отношений. Альянсы с соседними государствами для континентальных держав выступают способом сократить протяжённость условного фронта, с которого можно ожидать нападения. В крайнем случае они будут стремиться перенести противоборство на территорию своего союзника, используя его территорию как буфер с тем, чтобы снизить уровень давления на собственные границы. В этой связи для континентальной держа-

вы при прочих равных предпочтительны союзники, а не нейтральные страны в поясе непосредственного соседства. Нейтралитет, с одной стороны, даёт менее надёжные гарантии безопасности, чем союз, а с другой — не позволяет использовать территорию партнёра для оборонительных или наступательных действий. При этом потенциальная глубина такого союзнического буфера, который стремятся и реально способны создать континентальные державы, может существенно различаться, будучи зависимым как от конкретной пространственной конфигурации, так и от организационных и технологических возможностей проецирования силы, а также от того, какого рода соседи составляют окружение государства.

Показательную иллюстрацию политики организации союзов даёт Германская империя последней трети XIX века. Это государство представляет собой гипертрофированный пример вызовов, связанных с континентальным положением. Среди её соседей были четыре крупных государства (Австро-Венгрия, Италия, Россия и Франция), с двумя из которых Берлин вёл войну в процессе объединения страны. Под руководством канцлера Отто фон Бисмарка в 1870-х — 1880-х годах Германия осуществляла искусную дипломатию, направленную на привязывание к себе как можно большего числа соседей.

В результате ей удалось добиться союза с Австро-Венгрией против России. Используя возникший у Петербурга страх остаться в изоляции, Берлин смог втянуть Россию в трёхсторонний альянс с Австро-Венгрией. С помощью Средиземноморского союза, теневого партнёром которого она также выступала, Германии удалось привлечь к сотрудничеству Италию и Британию. В результате единственным источником угроз Берлину оставался одинокий Париж [Snyder 2007].

После ухода Бисмарка с поста канцлера его последователи не смогли сохранить коалицию с Россией и испортили отношения с Британией. Таким образом, вместо одного оппонента Берлин столкнулся с не-

обходимостью прикрытия нескольких обороноуязвимых направлений. Его положение осложняло то, что теперь он вынужден был противодействовать противникам с разных сторон: Франции — на западе, России — на востоке, Британии — на море.

В этих условиях германское руководство полагалось на то, что Австро-Венгрия и Италия смогут оттянуть хотя бы часть внимания Антанты, а также на предложенный военными «План Шлиффена», обещавший победу в войне на два фронта [Clark 2016]. К несчастью для Берлина, его расчёты оказались неверными (в том числе с переходом Рима на сторону противников), а Первая мировая война привела к тяжелейшему поражению Германии.

Другим примером континентальной державы выступал Советский Союз. Его поведение после Второй мировой войны также явно диктовалось стремлением обеспечить контроль над его непосредственным окружением [Наринский 2008]. Выражением этой политики стало создание Организации Варшавского договора в 1955 году. Контроль над Восточной Европой позволял отодвинуть от советских границ угрозу со стороны Запада. В результате даже после того, как в 1960-х — 1970-х годах число партнёров и клиентов Москвы существенно выросло, участники ОВД оставались ближайшими и наиболее значимыми членами социалистического лагеря.

Показательной также выступала советская реакция на рост сомнений в лояльности Афганистана в конце 1970-х годов, который на протяжении значительной части «холодной войны» ориентировался на Москву. Возникновение риска утраты важного партнёра, граничащего с советской Средней Азией, побудили СССР к силовому устранению руководства страны, а впоследствии и к вводу войск [Корниенко 1993]. В случаях других «предательств» со стороны союзников в «третьем мире» восприятие Москвой угроз, связанных с ним, оставалось гораздо более сдержанным.

Стремление к сокращению числа обороноуязвимых направлений объясняется

постоянным страхом окружения противниками, который испытывает континентальная держава. Как показывает ранее приведённый пример Германии, противодействие такой угрозе не всегда оказывается успешным. В этой связи перед ней также встаёт проблема выбора средств обеспечения собственной безопасности, если окружение всё-таки происходит.

Ответной стратегией для континентальной державы в этом случае становится поиск путей обхода формирующегося ограничивающего кордона, связанный с заключением альянсов за пределами непосредственного окружения. Вместе с тем подобные удалённые союзники выполняют другую функцию, чем в случае морской державы. Их задача не в том, чтобы обеспечить проекцию силы, «приблизить» государство к региону, из которого для него исходят угрозы. Они необходимы, чтобы отвлечь противника или создать ему угрозу в тылу. Тем самым континентальная держава стремится снизить вероятность непосредственного давления в отношении собственной территории.

Наиболее ярким примером политики отвлечения в европейской истории представляется стратегия Франции по противодействию империи Габсбургов в XVI—XVII веках. В этот период Франция действительно находилась под угрозой физического окружения, так как её противники контролировали Испанию, значительную часть Италии, Священную Римскую империю, Фландрию. Яркой страницей развернувшейся борьбы стал беспрецедентный для тогдашней системы христианских государств союз, заключённый в 1528 г. Францией с мусульманской Османской империей. Этот альянс использовался Парижем для отвлечения сил Габсбургов на востоке и разрыва кольца, в котором он оказался [Heath 1989].

Схожим образом в годы «холодной войны» действовал Советский Союз. В ответ на окружение его территории сетью американоцентричных союзов (НАТО, СЕАТО, СЕНТО, альянсы США с Японией и Южной Кореей) он стал искать партнёров

в «третьем мире» [Kanet 2006]. На Ближнем Востоке он стремился опираться на Египет (до начала 1970-х годов) и Сирию, в Юго-Восточной Азии на Северный Вьетнам, в Африке на широкий круг национально-освободительных движений в ряде стран. Ему удалось даже перенести «холодную войну» в Западное полушарие в результате сближения с Кубой в 1960-х годах.

Глобализация противостояния происходила на фоне формирования устойчивого равновесия на центральном фронте биполярной конфронтации – в Европе – и способствовала переключению внимания сверхдержав на всё новые регионы. Вместе с тем она приводила к росту затрат на поддержку союзников и распылению ограниченных ресурсов.

В связи с использованием континентальными державами альянсов в рамках стратегии обхода необходимо учитывать, что их союзникам, как правило, приходится в большей степени полагаться на собственные силы в случае конфликта по сравнению с партнёрами морских держав. Так как континентальные державы изначально менее заинтересованы в контроле над коммуникациями и проведении экспедиционных операций на большой дистанции, а также сталкиваются с большими вызовами собственной территории, у них зачастую нет сопоставимых компетенций и опыта в сфере проекции силы на удалённые расстояния. Попытки наращивания океанических возможностей при одновременной необходимости осуществлять сдерживание источников угроз у собственных границ многократно повышают риски перенапряжения и отвлечения ресурсов от первоочередных задач (как это имело место с германскими программами строительства морских сил и проведением политики *Weltpolitik* в начале XX века).

Континентальные державы опираются в большей степени на армию, а не на флот для обеспечения собственной безопасности. Соответственно, чем дальше расположен союзник и чем он слабее, тем меньшую стратегическую пользу для обеих сторон приносит альянс с точки зрения военно-

политического и экономического балансирования. Между тем аналогичные недостатки присутствуют и для партнёров морских держав, не имеющих выхода к крупным водным пространствам и соответственно устойчивых линий коммуникации с союзниками. В случае континентальной державы партнёрство с удалённым государством, как правило, оказывается целесообразным, только если оно само по себе является крупным игроком.

Такому условию отвечал русско-французский союз конца XIX – начала XX века. Оба его участника представляли собой самодостаточные в военном плане государства. Каждое из них по отдельности уступало Германии, но они обладали достаточным потенциалом для сдерживания значительных сил противника. Наличие у каждого из них границы с общим оппонентом позволяло оказывать давление с различных сторон и тем самым порождало синергетический эффект.

Иной случай представляли многие союзники Советского Союза из числа развивающихся стран во второй половине XX века. По большей части в их число входили слабые в военном и экономическом отношении государства. Вместе с тем вхождение в советский блок Кубы имело значительный стратегический вес, поскольку позволяло СССР проецировать силу в Западном полушарии и создавало основу для торга с США.

4

С точки зрения представленного в настоящей работе разграничения Россия выступает континентальной державой *par excellence*. Она занимает значительную часть Евразии, располагает наидлиннейшей в мире наземной границей и имеет мало удобных выходов к морским пространствам. При этом её территория расположена в двух важнейших с точки зрения мирового хозяйственного развития регионах мира – Европе и Тихоокеанской Азии – и граничит с двумя из трёх крупнейших экономик мира – Европейским Союзом и Китаем. Хотя Россия непосред-

ственно не граничит со странами Ближнего и Среднего Востока, она находится достаточно близко к ним для того, чтобы испытывать негативные экстерналии их дестабилизации.

Следствием пространственного расположения России, более чем в случае какого-либо другого государства, выступает потребность в политико-стратегическом прикрытии максимального числа направлений, откуда могут исходить угрозы национальной безопасности. Её внешнеполитическая концепция¹⁹ с акцентом на развитии отношений со странами постсоветского пространства и военная доктрина²⁰, делающая упор на роль сухопутных сил в обеспечении национальной обороны, соответствуют тем географическим условиям, в которые она поставлена.

Показательно, что в начале 2000-х годов Россия отказалась от полезных, но затратных военных объектов во Вьетнаме и на Кубе. При этом почти одновременно была создана российская военная база в Киргизии. Эти шаги ярко иллюстрируют политику Москвы по концентрации ресурсов на безопасности ближайших рубежей. Большинство формальных и неформальных альянсов России с учётом её роли в мире сконцентрированы у её границ.

Традиционно первыми среди российских союзников выделяются государства-члены Организации Договора о коллективной безопасности (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан). На территории всех из них присутствуют российские военные объекты. Изначально в основе этого объединения лежало положение о том, что агрессия против одного из союзников расценивается как агрессия против всех. В то же время в практическом плане российских партнёров по ОДКБ мало что связывает, кроме собственно сотрудничества с Москвой. Отдельные государ-

ства в рамках союза представляют интерес с точки зрения противодействия вызовам на различных направлениях. Белоруссия и Армения находятся в полосе интенсивной политико-экономической и стратегической конкуренции между Россией и Западом. Между тем сотрудничество Москвы со странами Центральной Азии в первую очередь определяется рисками внутривнутриполитической радикализации, распространения экстремизма и терроризма, а также ещё одной трансграничной угрозой, связанной с транзитом наркотиков.

Такие различия ослабляют единство организации и осложняют её функционирование. На практике затруднительно представить ситуацию, в которой такие союзники по ОДКБ, как Армения и Таджикистан, оказали бы друг другу прямую военную помощь в случае агрессии против одного из них. Эта особенность организации, готовящейся отражать различные угрозы, опираясь на различных партнёров, и в различных регионах, организационно воплощается в региональных группировках войск, создание которых предусмотрено 7-й статьёй её Устава²¹.

Ещё двумя формальными союзниками России выступают признанные ею в 2008 г. Абхазия и Южная Осетия, в отношении с которыми особенно сильно проявляется асимметрия. С точки зрения вклада в безопасность России со стороны двух частично признанных государств можно говорить только о значении российского военного присутствия на их территориях. При этом Абхазия и Южная Осетия, по-видимому, не обладают военным потенциалом, достаточным для самозащиты в случае возможного вооружённого конфликта с Грузией; их выживание полностью гарантируется Россией.

На фоне слабости формальных союзников России большое значение в её полити-

¹⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

²⁰ Военная доктрина Российской Федерации. 30 декабря 2014 г. URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>

²¹ Устав Организации Договора коллективной безопасности. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3506>

ке занимают менее институционализованные коалиции. В первую очередь Москва поддерживает высокий уровень взаимодействия по стратегическим вопросам и проблемам безопасности с Китаем — ещё одним соседом. Два постоянных члена Совета Безопасности ООН поддерживают друг друга при голосовании в этом органе, а также при обсуждении кризисных ситуаций на других площадках. Во многих случаях их консолидированная позиция выступает альтернативой или прямой оппозицией западным подходам к проблемам международной повестки дня. Россия, по выражению Василия Кашина, выступает в качестве громоздкого для западного недовольства и сокращает потенциал Запада по давлению на Китай. Противодействие, которое Россия оказывает односторонним действиям Запада, позволяет Китаю наращивать своё экономическое присутствие в различных регионах мира и не вступать при этом в прямое противодействие с Западом [Кашин 2015: 160, 164].

Кроме того, стороны демонстрируют высокий уровень сотрудничества в военной сфере, включая совместные учения и военно-техническое сотрудничество. Одним из символов российско-китайского военного сотрудничества последних лет стали совместные военно-морские учения, которые были проведены на Балтийском, Охотском, Японском морях в июле и сентябре 2017 года²².

Развитие партнёрства с Китаем стало одной из важнейших задач российской дипломатии с начала 1990-х. Москва и Пекин на протяжении десятилетий с 1960-х годов выступали как противники, что создавало угрозу — в том числе и военную — границам СССР на Дальнем Востоке. В постсоветский период стороны пошли на урегулирование пограничных споров, что открыло перспективы для их активного сближения. Оно обеспечило условия для выстраивания координации даже по тем вопросам, в от-

ношении которых интересы государств могут расходиться — в частности, по поводу Центральной Азии.

Существенный импульс двустороннее сотрудничество обрело в конце 1990-х и середине 2010-х годов на фоне обострения противоречий Запада одновременно с Россией и Китаем, то есть в тот период, когда для Москвы и Пекина потребность в сокращении числа возможных источников угроз возросла.

Особняком в российской практике стоит поддержка Сирии и проведение с сентября 2015 г. операции в этой стране. В данном случае Москва впервые в постсоветский период столкнулась с необходимостью проецирования силы на удалении от её границ для поддержки приоритетного партнёра. Результатом российских действий стало существенное укрепление позиций сирийского правительства и ослабление угрозы со стороны ИГИЛ. В то же время эти действия соответствовали тем условиям, которые благоприятствуют континентальным державам на удалении от своей территории.

Операция российских Воздушно-космических сил оставалась на всём своём протяжении относительно небольшой с точки зрения задействованных средств. Она не была связана с потребностью в активном прикрытии линий коммуникации и контроле над промежуточным пространством. Наконец, Москва могла положиться на серьёзный военный вклад (в первую очередь в ведении наземных боевых действий) местных субъектов — не только Дамаска, но и Тегерана. Одной из косвенных целей этой операции выступало побуждение западных контрагентов к активизации диалога о глобальной безопасности в условиях обострения конфронтации по линии Россия—НАТО. Политика переключения внимания оппонента соотносится с традиционными целями альянсов континентальных держав с удалёнными государствами.

²² Российско-китайские учения «Морское взаимодействие». Досье. ТАСС, 18 сентября 2017 г. URL: <http://tass.ru/info/1960969>

* * *

Игнорирование географических условий осуществления внешней политики государств может порождать не меньшие ошибки в анализе, чем пространственный детерминизм, исключаящий из него другие параметры международного взаимодействия. В этой связи необязательно уподобляться приверженцам классической геополитики, чтобы признать, что континентальное или морское положение порождает качественно разные возможности и риски для страны. В свою очередь, указание на такие различия не всегда предполагает согласие на предпочтительность первого или второго.

Настоящая статья демонстрирует, что поворот Соединённых Штатов от стратегий изоляционизма к активному строительству союзов не был случайным и обосновывался ростом взаимосвязанности глобальной среды. В современных условиях морские державы нуждаются в контроле над океаническими пространствами и доступе к удалённым регионам, которые невозможны без опоры на широкую сеть альянсов.

В свою очередь, континентальные державы на протяжении истории сталкиваются с вызовами, обусловленными открытостью их территории к нападению с множества сторон. В этих условиях их централь-

ной задачей выступает сокращение угроз, исходящих с территории непосредственных соседей. Альянсы с удалёнными партнёрами выступают дополнительной опцией в их политике.

Следствием того, что участие в международных альянсах государств выступает компонентом их комплексной стратегии по обеспечению собственной безопасности, возникает необходимость согласования политических обязательств с их военными возможностями. Между тем континентальные и морские державы зачастую располагают качественно различным потенциалом.

Общий профиль современных российских союзов – как формальных, так и слабо институционализированных – в полной мере соответствует позиции классической континентальной державы. В этих условиях Россия нуждается в сохранении активного военного присутствия в поясе своих границ. При этом на фоне обострения отношений с Западом возрастает значение обеспечения сотрудничества с соседями Москвы на других направлениях. На фоне попыток США и их союзников добиться политической изоляции Москвы просматривается тенденция к повышению активности её политики за пределами непосредственного окружения.

Список литературы

- Васильченко А.В.* Сумрачный гений III Рейха. Карл Хаусхофер. Человек, стоявший за Гитлером. М.: Вече, 2013. 301 с.
- Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: «АРКТОГЕЯ-центр», 2000. 924 с.
- Ильин М.В.* Проблемы формирования «острова Россия» и контуры его внутренней геополитики // Вестник Московского университета. Сер. 12. 1995. №1. С. 37–45.
- Истомин И.А.* Современная западная теория военно-политических альянсов: достижения и лакуны // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 4. С. 93–114.
- Кашин В.Б.* Китайская картина будущего мира и место России в нём // Тетради по консерватизму. 2015. № 5. С. 159–165.
- Корниенко Г.М.* Как принималось решение о вводе советских войск в Афганистан и их выводе // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 107–118.
- Маккиндер Х.* Круглая Земля и обретение мира (перевод и комментарии Вадима Цымбурского) // Космополис. 2007. №16. URL: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=357>
- Маккиндер Х.Д.* Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 162–169.
- Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю 1660–1783. СПб.: Terra Fantastica, 2002. 634 с.
- Наринский М.М.* Советское руководство: проблема границ и сферы влияния СССР в 1941–1946 годах // Вестник МГИМО-Университета. 2008. №. 3. С. 3–13.

- Поздняков Э.А.* Геополитика. М.: Прогресс-Культура, 1995. 96 с.
- Поппер К.Р.* Логика научного исследования. М.: АСТ: Астрель, 2010. 565 с.
- Сенокосов А.Г.* Эволюция внешнеполитического курса Великобритании в 1898–1904 гг.: от «Блестящей изоляции» к антигерманской Антанте // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2014. № 7 (129). С. 184–198.
- Сулима Е., Шепелев М.* Геоистория как парадигма осмысления международных отношений // Международные процессы. 2018. Т. 16. №2. С. 49–59.
- Сушенцов А.А.* Стратегия военного присутствия США в Азии // Международные процессы. 2012. Май–август. Т. 10. № 2 (29). С. 129–133.
- Сушенцов А.А.* Типология поведения в международных конфликтах // Международные процессы. 2010. Сентябрь – декабрь. Т. 8. № 3 (24). С. 70–84.
- Цымбурский В.Л.* «Остров Россия»: перспективы российской геополитики // Полис. Политические исследования. 1993. №5. С. 6–23.
- Цымбурский В.Л.* Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII – XX веков. М.: Книжный мир, 2016.
- Хаусхофер К.* О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.
- Blagden D.W.* Sea Powers, Continental Powers, and Balancing Theory. *International Security*. 2011. Vol. 36. No. 2. P. 190–202.
- Clark C.M.* The sleepwalkers: How Europe went to war in 1914. N.Y.: Harper, 2016. 697 p.
- Fensterwald Jr.B.* The anatomy of American "isolationism" and expansionism. Part I // *Journal of Conflict Resolution*. 1958. Vol. 2. No. 2. P. 111–139.
- Gaddis J.L.* Strategies of containment: a critical appraisal of American national security policy during the Cold War. Oxford: Oxford University Press, 2005. 484 p.
- Heath M.* Unholy Alliance: Valois and Ottomans // *Renaissance Studies*. 1989. Vol. 3. No. 3. P. 303–315.
- Hepple L.W.* The Revival of Geopolitics // *Political Geography Quarterly*. 1986. Supplement to Vol. 5. No. 4. P. 21–36.
- Kanet R.E.* The superpower quest for empire: The cold war and Soviet support for 'wars of national liberation' // *Cold War History*. 2006. Vol. 6. No. 3. P. 331–352.
- Kennedy P.* The rise and fall of the great powers. N.Y.: Vintage, 2010. 677 p.
- Kennedy P.* The rise and fall of British naval mastery. Penguin, 2017. 464 p.
- Leeds B., Ritter J., Mitchell S., Long A.* Alliance Treaty Obligations and Provisions, 1815–1944 // *International Interactions*. 2002. Vol. 28. No. 3. P. 237–260.
- Levy J.S., Thompson W.R.* "Balancing on Land and at Sea: Do States Ally against the Leading Global Power?" // *International Security*. 2010. Vol. 35. No. 1. P. 7–43.
- Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality. Washington: National Defense University Press, 1996. 213 p.
- Mearsheimer J.J.* The Tragedy of Great Power Politics. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2014. 561 p.
- Modelski G., Thompson W.R.* Seapower in Global Politics, 1494–1993. London: Palgrave Macmillan, 1988. 380 p.
- Morgenthau H.J.* Politics among nations: the struggle for power and peace. 5. ed. rev. New York: Knopf, Cop. 1978. 650 p.
- Ó Tuathail G., Dalby S.* Introduction: Rethinking geopolitics: towards a critical geopolitics // *Rethinking Geopolitics* / ed. by G. Ó Tuathail, S. Dalby. Routledge, London and New York, 1998. P. 13–27.
- Posen B.R.* Command of the Commons: The Military Foundation of U.S. Hegemony // *International Security*. 2003. Vol. 28. No. 1. P. 5–46.
- Rosato S.* The inscrutable intentions of great powers // *International Security*. 2015. Vol. 39. No. 3. P. 48–88.
- Snyder G.H.* Alliance politics. Ithaca: Cornell University Press, 2007. 414 p.
- Turner F.J.* The frontier in American history. Courier Corporation, 2010. 375 p.
- Van Evera S.* Offense, defense, and the causes of war // *International Security*. 1998. Vol. 22. No. 4. P. 5–43.
- Voss G.* Early Japanese isolationism // *The Pacific Historical Review*. 1945. Vol. 14. No.1. P. 13–35.
- Waltz K.N.* Theory of International Politics. Reading: Adison Wesley, 1979. 251 p.
- Walt S.M.* The Origins of Alliances. Ithaca: Cornell University Press, 1990. 321 p.

STRATEGIES OF ALLIANCES OF CONTINENTAL AND SEA POWERS

IGOR ISTOMIN
NIKOLAY SILAEV
ANDREY SUSHENTSOV

MGIMO University, Moscow 119454, Russia

Abstract

The article attempts to determine the specifics of alliance formation of continental and maritime powers, due to the peculiarities of their geographical location. First, we consider existing literature to explain influence of spatial characteristics on large states' participation in alliances. Further, we propose original typology of continental and maritime powers strategic motivations and their approaches to choosing allies. The presentation of the concept is accompanied by historical examples from the practice of the international system from the 16th century to the beginning of the 21st century, which justify the correctness of its deductive logic. In conclusion, we apply developed research framework to the analysis of Russian international obligations. It shows that the continental geographical position is significant, but not the only parameter that explains the logic of the Russian strategy and its alliance politics.

The geographical position of maritime powers often leads them to various forms of international isolation. At the same time, as dependence on foreign markets, sources of capital and resources increases, as well as risks of accumulating significant resources in the hands of potential adversaries rises, the maritime powers begin to resort to international alliances as tools for projecting power to remote regions. For their part, the continental powers prefer alliances with their immediate neighbors as a mean of reducing the number of defensive lines and creating strategic buffers. For them, attempts to build relationships with remote partners are associated with significant risks, as they, as a rule, do not have sufficient competence in the sphere of control over sea communications. At the same time, creation of military-political coalitions of continental countries with remotely located sea powers aimed against dominant sea powers is strategically expedient, since it allows to shift the center of confrontation further from the boundaries of the continental power. Technological development in armaments and military equipment allows continental powers to project force for considerable distances with less resources.

Key words:

military alliances; continental powers; sea powers; common spaces; projection of power; threatened directions; Russian foreign policy.

References

- Blagden D.W. (2011). Sea Powers, Continental Powers, and Balancing Theory. *International Security*. Vol. 36. No. 2. P. 190–202.
- Clark C. M (2016). *The sleepwalkers: How Europe went to war in 1914*. N.Y.: Harper. 697 p.
- Cymburskij V.L (1993). «Ostrov Rossiya»: perspektivy rossijskoj geopolitiki ["Island of Russia" Prospects of Russian Geopolitics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 6 – 23.
- Cymburskij V.L (2016). *Morfologiya rossijskoj geopolitiki i dinamika mezhdunarodnyh sistem XVIII–XX vekov* [Morfology of Russian Geopolitics and Dynamics of International System in 18th–20th Centuries]. M.: Knizhnyj mir.
- Dugin A.G. (2000). *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushee Rossii. Myslit' Prostranstvom* [Foundations of Geopolitics. Geopolitical Future of Russia. To Think through Space] Moscow: ARKTOGEYA-tsentr. 924 p.
- Fensterwald Jr. B (1958). The anatomy of American "isolationism" and expansionism. Part I. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 2. No. 2. P. 111–139.
- Gaddis J. L (2005). *Strategies of containment: a critical appraisal of American national security policy during the Cold War*. Oxford: Oxford University Press. 484 p.

- Haushoffer K. *O geopolitike: Raboty raznykh let* [About Geopolitics: Works of Various Years]. Moscow: Mysl'. 426 p.
- Heath M. (1989). Unholy Alliance: Valois and Ottomans. *Renaissance Studies*. Vol. 3. No. 3. P. 303–315.
- Hepple L.W. (1986). The Revival of Geopolitics. *Political Geography Quarterly*. Supplement to Vol. 5. No. 4. October 1986. P. 21–36.
- Il'in M.V. (1995). Problemy formirovaniya «ostrova Rossiya» i kontury ego vnutrennej geopolitiki [The Problems of Forming of the “island of Russia” and frames of its internal geopolitics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 12. №1. P. 37–45.
- Istomin I. (2017). Sovremennaya zapadnaya teoriya voenno-politicheskikh al'yansov: dostizheniya i lakuny. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 15. No. 4. P. 93–114.
- Kanet R. E (2006). The superpower quest for empire: The cold war and Soviet support for 'wars of national liberation'. *Cold War History*. Vol. 6. No. 3. P. 331–352.
- Kashin V. B. (2015). Kitajskaya kartina budushchego mira i mesto Rossii v nem [Chinese Vision of Future World and Russian Place in It]. *Tetradj po konservativizmu*. № 5. P. 159–165.
- Kennedy P (2010). *The rise and fall of the great powers*. N.Y. Vintage. 677 p.
- Kennedy P. (2017). *The rise and fall of British naval mastery*. Penguin.
- Kornienko G. M. (1993). Kak prinimalos reshenie o vводе sovetских vojsk v Afganistan i ih vyvode [How the Decisions on Deployment of Soviet Troops in Afghanistan and Their Withdrawal Were Taken]. *Novaya i novejschaya istoriya*. № 3. S. 107–118.
- Leeds B., Ritter J., Mitchell S., Long A. (2002). Alliance Treaty Obligations and Provisions, 1815-1944. *International Interactions*. Vol. 28. No. 3. P. 237–260.
- Levy, J. S., Thompson, W. R. (2010). Balancing on Land and at Sea: Do States Ally against the Leading Global Power? *International Security*. Vol. 35. No. 1. P. 7–43.
- Mackinder H. (1995). Geograficheskaya os' istorii [Geographic Axis of History]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No 4. P. 162–169.
- Mackinder, H.J. (1996). *Democratic Ideals and Reality*. – Washington, DC: National Defence University Press. 213 p.
- Mackinder H. (2007). Kruglaya Zemlya i obretnenie mira [Round Earth and Control of the World]. *Kosmopolis*. No. 16. URL: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=357>
- Mahan A.T. (2002). *Vliyaniye morskoy sily na istoriyu 1660–1783* [The Influence of Sea Power on History 1660–1783]. St. Petersburg: Terra Fantastica. 634 p.
- Mearsheimer, J. J (2014). *The Tragedy of Great Power Politics*. W.W. Norton & Company. New York, London. 561 p.
- Modelski G., Thompson W. R (1988). *Seapower in Global Politics, 1494–1993*. London: Palgrave Macmillan. 380 p.
- Morgenthau H. J. *Politics among nations: the struggle for power and peace*. – 5. ed. rev. – New York: Knopf, Cop. 1978. 650 p.
- Narinskij M. M. (2008). Sovetskoe rukovodstvo: problema granic i sfery vliyaniya SSSR v 1941–1946 godah [Soviet Leadership: the Problem of Borders and Spheres of Influence of the USSR]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 3. P. 3–13.
- Ó Tuathail G., Dalby S. (1998). Introduction: Rethinking geopolitics: towards a critical geopolitics. In: Ó Tuathail G., Dalby S. (eds.). *Rethinking Geopolitics*. Routledge, London and New York. P. 13–27.
- Popper K. R. (2010). *Logika nauchnogo issledovaniya* [Logic of Scientific Inquiry]. Moskva: AST : Astrel'. 565 s.
- Pozdnyakov E.A. (1995). *Geopolitika* [Geopolitics]. Moscow: Progress-Kul'tura. 96 p.
- Senokosov A. G. (2014). Evolyuciya vneshnepoliticheskogo kursa Velikobritanii v 1898–1904 gg.: ot «Blestyashchej izolyacii» k antigermanskoj Antante [Evolution of the Foreign Policy Course of Great Britain in 1898–1904: from “Splendid Psolation” to the Anti-German Entante]. *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie»*. No. 7 (129). P. 184–198.
- Sulima E., Shepelev M. (2018). Geoistoriya kak paradigma osmysleniya mezhdunarodnykh otnoshenij [Geohistory As a Paradigm for Thinking about International Relations]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 2. P. 49–59.
- Sushentsov A.A (2012). Strategiya voennogo prisutstviya SShA v Azii [Strategy of the U.S. Military Presence in Asia]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol 10. No. 2 (29). P. 129–133.
- Sushentsov A.A. (2010). Tipologiya povedeniya v mezhdunarodnykh konfliktakh [Typology of behavior in international conflicts]. *Mezhdunarodnyye protsessy*. Vol. 8. No. 3 (24). P. 70–84.
- Posen B.R. (2003). Command of the Commons: The Military Foundation of U.S. Hegemony. *International Security*. Vol. 28. No. 1. P. 5–46.

- Rosato S. (2015). The inscrutable intentions of great powers. *International Security*. Vol. 39. No. 3. P. 48–88.
- Snyder G. H. (2007). *Alliance politics*. Ithaca: Cornell University Press. 414 p.
- Turner, F. J. (2010). *The frontier in American history*. Courier Corporation. 375 p.
- Van Evera S. (1998). Offense, defense, and the causes of war. *International Security*. Vol. 22. No. 4. P. 5–43.
- Vasil'chenko A.V. (2013). *Sumrachnyj genij III Reikha. Karl Khauskhofer. Chelover, stoyavshij za Gitlerom* [Gloomy Genius of the Third Reich. Karl Haushofer. The Man, Who Stood behind Hitler]. Moscow: Veche. 301 p.
- Voss G. (1945). Early Japanese isolationism. *The Pacific Historical Review*. Vol. 14. No.1. P. 13–35.
- Waltz K.N. (1979). *Theory of International Politics*. Reading: Adison Wesley. 251 p.
- Walt S. M. (1990). *The Origins of Alliances*. Ithaca: Cornell University Press. 321 p.